

Николай Берсенов

A photograph of a family in a snowy, blue-toned landscape. A man with a beard and a fur hat stands on the left, looking down. A woman in a headscarf stands on the right, looking distressed with tears on her face. A small child stands between them, looking sad. The background is a vast, flat, snowy field under a dark blue sky.

**Счастье на
выжженной
земле**

Николай Берсенов

Счастье на выжженной земле

<https://litres.ru/74572423>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ледяном городе, где люди давно разучились замечать чужую боль, спившийся бродяга Макар находит на морозе замерзающую женщину и ребенка. Преодолев пустоту внутри, он отдает им остатки своего тепла до самого утра. Его похоронили лишь те, кого он спас в ту ночь ценой собственной жизни.

Николай Берсенеv

Счастье на выжженной земле

В одном старом городке, где длинные улочки тянулись между старинными домами, а вдоль заборов росли небольшие кусты, город просыпался от пения птиц и первых лучей солнца. Городок стоял в низине, у неширокой реки, и каждое утро над водой поднимался молочный туман. Он цеплялся за крыши, за ветви старых лип, за провода, натянутые между домами, и казалось, что город ещё не проснулся, а только дышит — медленно, хрипло, по-стариковски. Когда солнце поднималось выше, туман таял, и начиналась суeta: скрипели телеги, хлопали калитки, на базаре кричали торговки, пахло хлебом, рыбой и сырой землёй. Каждый уголок города был разным: от шумных базаров до скромных улочек, где трава пробивалась сквозь трещины в асфальте. Именно здесь начиналась история одного мужчины, которая изменила его судьбу. Звали нашего героя Макар.

Он был невысокого и неширокого телосложения, что чаще всего не привлекало внимания. Волосы — потрёпанные, седые, кое-где виднелась проплешина, выдававшая количество

прожитых лет. Глаза были тёмные, серые, но если присмотреться, в них таилась какая-то усталая мудрость. Шрам на левой щеке — кривая белая полоса от скулы до подбородка. Этот шрам он получил не в лихой драке, а в детдоме, когда заслонил Славу от старшеклассников. С тех пор он не улыбался, потому что когда улыбался, шрам растягивался и напоминал ему о том дне. Поэтому он предпочитал хмуриться.

Макар жил один. Ещё в детстве он рос без близких: родители умерли во время пожара, и он попал в детдом. Там он учился и питался. В детдоме он нашёл друга Славу, которого считал братом. У них была разница в пару лет: Макар был для Славы как старший брат — он защищал его от обидчиков, из-за чего и получил шрам на лице.

Макар покинул детдом по достижении совершеннолетия. Не успел он оглянуться, как пришла повестка в армию. На службе ему пришлось нелегко: он был вечно голодный и уставший. Макар служил в пехоте во время войны, дослужился до младшего сержанта. Вернувшись с войны в свой городок, он начал строить свою жизнь: устроился грузчиком на склад, где не нужно было думать, а только таскать мешки и ящики до полного изнеможения. На этом складе он и жил. Спустя пару лет накопил на полуподвал на окраине города.

Полуподвал Макара находился на самой окраине город-

ка, там, где асфальт заканчивался и начиналась разбитая дорога, ведущая к старым складам и заброшенной котельной. Дом был старый, двухэтажный, с облупленной штукатуркой, из трещин которой выглядывал красный кирпич. Когда-то здесь жили рабочие, потом остались старики, пьяницы да те, кому больше некуда было идти. Вход в полуподвал был со двора, за мусорными баками, под низкой аркой. Три бетонные ступени вели вниз, и уже на второй ступени начинало пахнуть сыростью — тяжёлой, застоявшейся, как в погребе, где годами не открывали дверь. Дверь была обита дерматином, дерматин потрескался, ручка болталась, а замок давно не запирался — впрочем, воровать у Макара было нечего.

Внутри потолок был такой низкий, что Макар, невысокий и сутулый, всё равно почти касался его макушкой. Стены — кирпич, покрытый белой краской, но краска облупилась и вздулась пузырями, а в углах чернела плесень. Она расплзалась по швам, как чья-то тёмная кровь, и казалось, что темнота там не просто живёт, а сгущается, дышит и ждёт. Пол был бетонный, ледяной даже летом. В трещинах копилась грязь, а зимой из них пробивался иней — тонкий, белый, похожий на седую щетину. Под потолком шли ржавые трубы. Зимой они гудели и щёлкали, будто внутри кто-то стучал костяшками, но тепла почти не давали. Только у дальней стены, где стояла старая буржуйка, можно было согреть руки, да и то ненадолго.

Свет пробивался через единственное окно — низкое, вровень с тротуаром, затянутое пылью и паутиной. Стекло было мутным, в трещинах, заклеенных жёлтым скотчем. Через него не было видно неба — только ноги прохожих, снег, грязь, иногда собачьи лапы или колёса детской коляски. Днём в полуподвале всё равно стоял сумрак, серый и вязкий, как вода в сточной канаве. Лампочка под потолком горела тускло, а когда электричество отключали, оставалась керосинка с закончённым стеклом. Её жёлтый огонь дрожал на стенах, и тогда тени в углах становились длиннее и жирнее.

Мебель была старая, собранная из того, что выбрасывали другие. Железная кровать с панцирной сеткой, продавленной посередине так, что Макар всегда скатывался в яму. Матрас в бурых пятнах, подушка без наволочки, серое бельё, жёсткое, как бумага. Рядом — стол, покрытый клеёнкой, протёртой до дыр. На столе — кружка с отбитой ручкой, алюминиевая ложка, пустая бутылка, иногда корка хлеба. Табурет — единственный, и тот хромой, подвязанный проволокой. В углу — полка с посудой: две тарелки, кастрюля без крышки, банка с солью. Зеркало в деревянной раме висело у двери. Оно было мутное, как лужа, и показывало не лицо, а серое пятно с тёмными провалами глаз. Макар давно не смотрелся в него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.